

Покрывающая город белизна постепенно таяла. Из-под грязного снега показались первые японские белокопытники, сопровождающие смену времён года. Воздух переполнился весенней бодростью, в жилом квартале витал сладкий запах цветов. Люди повесили свои тяжёлые пальто в шкаф и переоделись в пиджаки и куртки, наслаждаясь чувством свободы, которого им так не хватало зимой.

В конце апреля город расцвёл вишней. Наблюдать её во всей красе в предыдущие годы доводилось в самое разное время, вплоть до «Золотой недели», поэтому розовые лепестки перестали быть символом встреч и прощаний и теперь знаменовали будущее, выжидающее горожан после перемены окружающей среды и передышки после холодов.

Первый день выходных. Косака лениво прогуливался по длинной холмистой дороге, простирающейся через жилой район.

Улицы погрузились в строительство. Здания строились и сносились. Где-то чинили дорогу, где-то прокладывали линию электросети. Весь город словно просыпался от спячки.

- Ещё раз. Когда ты собираешься переезжать? – спросила шагающая возле него девушка.

- На следующей неделе, - повторил он.

- Сумбурно всё как-то. Почему именно сейчас?

- До работы добираться неудобно. Хочу найти место поближе.

Познакомил их общий коллега. Звали эту двадцатипятилетнюю девушку Мацуо. Вечно опущенные кончики бровей придавали ей хмурый вид, который, однако, не мешал разглядеть красивые черта лица и бодрящую улыбку. Работала девушка ещё со времён студенчества, на полставки, а после учёбы устроилась официально и сменила частичную занятость на полную.

Это была их третья совместная прогулка. Познакомились молодые люди меньше месяца назад, но Мацуо уже в момент первой встречи привязалась к Косаке. Он, в свою очередь, испытывал схожие чувства и в присутствии новой подруги мог позволить себе расслабиться.

В процессе общения они узнали, что имеют много общего. Гермафобию, например. Ещё два года назад Мацуо мыла руки каждые пятнадцать минут, пять раз в день меняла одежду и принимала трёхчасовые души. Только благодаря долгому лечению, она смогла повернуть течение жизни в нормальное русло. Если его, конечно, можно таковым назвать, - выходить из дома девушка по-прежнему не могла. И стоило Косаке поднять тему гигиенических средств и очистителей воздуха, как она тут же приободрилась и начала активно поддерживать разговор.

Книги, музыкальные вкусы, проблемы с работой, отсутствие интереса к социальным проблемам – во многих аспектах мнения Косаки и Мацуо совпадали. И, по естественному стечению обстоятельств, они сдружились.

Пара продолжала бесцельно идти вперёд и обсуждать недавно просмотренные фильмы. Когда дорога свернула к реке, тема их разговора сменилась на рыбалку. Мацуо делилась воспоминаниями о том, как отец решил пойти ловить рыбу к океану и взял её с собой.

- Нда, знатно я тогда отравилась, - рассказывала она. – Мне где-то восемь лет было. Дома из пойманных терпуг мы приготовили сашими. Получилось очень вкусно, но поздней ночью я проснулась от дикой боли в животе. Думала даже, что умру. И самое ужасное - страдала одна я; папа, мама и младшая сестра прекрасно себя чувствовали.

- Анизакиаз? – предположил Косака с сухой улыбкой. – При нём даже взрослые корчатся от боли. Что происходит с ребёнком – даже думать не хочется.

- О, ты такой начитанный! – Мацуо восхищённо захлопала в ладоши. – Да, виновата во всём была эта дурацкая анизакида! Тоже увлекаешься рыбалкой, Косака?

- Нет. Удочку в жизнь в руках не держал.

- А что тогда? Ешь много сырой рыбы?

- Нет, просто в своё время был знаком с человеком, хорошо осведомлённым в этой теме. От неё и набрался знаний.

- О, вот как, – Мацуо кивнула и копнула поглубже: – А кем она тебе приходилась? Подругой?

- Не совсем.

- Кем тогда? Девушкой?

- Нет. Ребёнком, за которым мне довелось присматривать около пяти месяцев назад.

- Ребёнком... – взгляд девушки становился всё более подозрительным. – Не похож ты на человека, который хорошо с детьми ладит.

- Какой есть. Впрочем, на то были свои причины.

- Ну... понятно, – двусмысленно произнесла Мацуо. – Нечасто находишь детей, рассказывающих тебе об анизакидах.

- Ага. Сам встретил лишь однажды.

Меньше, чем за четыре месяца приёма дегельментных препаратов жизнь Косаки изменилась до неузнаваемости. Он словно заново родился.

Во-первых, из его жизни ушла гермафобия. От расстройства, столь глубоко укоренившегося в Кенго Косаке, через несколько недель лечения не осталось и следа, словно его никогда и не было. Всё произошло внезапно. Это как боль в животе или язва в полости рта, – до излечения вы не можете думать ни о чём другом, кроме заболевания, а после – не можете вспомнить, в чём оно проявлялось.

Он стал замечать, что может несколько дней подряд использовать одни и те же полотенца, ложиться на кровать сразу после прихода с улицы, не бояться соприкосновений с посторонними людьми и при необходимости спокойно схватиться за поручень в поезде.

Избавившись от помехи в виде гермафобии, Косака решил наладить жизнь и устроиться на работу. Просматривая сайты с вакансиями для людей, желающих вернуться в профессию после восстановления здоровья, он неожиданно для самого себя наткнулся на очень выгодное предложение. Компания веб-разработчиков искала программиста, требуемые языки Косаке были прекрасно знакомы. Он отправил резюме, к которому приложил несколько примеров своего кода, а остальное предоставил судьбе. Особых надежд заполучить эту должность он не питал, однако к следующему месяцу парень уже отработывал полный рабочий день. Всё шло слишком гладко, и Косака беспокоился, что кто-то просто водит его за нос.

В первые же дни он понял, что написание вредоносного программного обеспечения, которому он раньше посвящал всё свободное время, помогло ему развить навыки программирования. Не то чтобы в процессе создания вирусов он узнал что-то особенное – скорее просто научился правильно строить ход мыслей при создании кода. В компании его за это сильно ценили. Работа оказалась не из простых, однако радоваться нахождению в столь солидном месте ему это не мешало.

Косака медленно, но уверенно овладевал самообладанием, присущим тридцатилетним людям. Коллеги ошибочно приняли его спокойствие по поводу предыдущих увольнений за хладнокровие человека с богатым жизненным опытом и оттого видели в нём превосходного напарника. Частую смену рабочих мест парня они считали доказательством его веры в свои способности. Всё складывалось как нельзя лучше. Лишь месяц отработав в компании, Косака обзавёлся друзьями, с которыми ходил выпить после работы, и почти забыл, что совсем недавно даже представить себя частью общества он не мог.

И всё же иногда парень ощущал бескрайнюю пустоту внутри. Пустоту с силуэтом девушки. Каждый раз, когда Косака засыпал за столом, бродил по тем же дорогам, по которым раньше ходил с ней, или видел вещи, ассоциируемые лишь с её образом, – голубые серьги, наушники, керосиновые зажигалки – в его голове тут же возникала фигура Хидзири Санаги.

Но всё уже кончено. Санаги наверняка давно забыла о днях, проведённых с Косакой, и начала свою собственную, настоящую, жизнь.

Это, по идее, даже отпраздновать можно, – думал он.

Ближе к концу марта Косака, полностью приспособившийся к работе и убедившийся в излечении мизантропии, понял, что даже без воздействия червя по-прежнему любит Санаги. Проблема, которая, по его мнению, с лечением должна была исчезнуть первой, ни в коей мере не разрешилась.

Он находился в глубоком замешательстве. Разве любовь между мной и Санаги не была иллюзией червя? Почему гермафобия и мизантропия вылечились, а «любовная тоска» – нет?

Может, всё это – лишь ужасное недоразумение, а слова, которыми я утешал Санаги в день нашей последней встречи, на самом деле оказались правдой? Червь способен влюбить одного инфицированного в другого. Но что, если мы с Санаги могли полюбить друг друга и без червя? А я просто не понял этого и, услышав историю о профессоре Канродзи и Хасэгавах, перестал доверять себе и поставил под сомнение собственные чувства.

Яростное сердцебиение подталкивало позвонить. Косака, сам того не осознавая, набрал номер Санаги. Из трубки слышались гудки. Он считал их. Первый, второй, третий, четвёртый... на пятом звонок оборвался.

Косака приложил руку к груди и глубоко вздохнул, чтобы привести ритм сердца в норму. Не беспокойся. Она обязательно перезвонит.

День подошёл к концу. Никаких вестей от Санаги не пришло. Он звонил ей пять раз и отправил три сообщения по электронной почте, но ответа так и не последовало.

Косака решил напрямую пойти домой к Санаги. Клинику Уридзанэ в последний раз он посещал полтора месяца назад, когда ему выдавали лекарства. С тех пор признаков рецидива у него не наблюдалось, поэтому причин возвращаться в больницу не было. Но раньше он никогда не

задумывался, что будет, если прийти и сообщить о своём намерении увидеться с Санаги. Откажут ли ему?

Косака взвесил плюсы и минусы. В один момент его набухшие чувства вмиг зачихали.

Он понял причину, по которой Санаги ему не отвечает. Одну или две – ещё можно понять, но как можно было не заметить свыше пяти попыток с ней связаться? Отсутствие ответа на многочисленные звонки и сообщения означало лишь, что девушка специально игнорирует его намерение с ней поговорить.

Санаги, должно быть, пытается забыть меня, - решил Косака. Лекарства помогли и ей, и она освободилась от контроля червя. И теперь, с вернувшейся возможностью мыслить взвешенно, потеряла привязанность к Косаке. Иронично, но дела наверняка обстояли именно так.

К счастью, Косака стал крайне занятым человеком, и это помогло ему быстро свыкнуться с новым порядком вещей, сконцентрировавшись не на беспокойных мыслях о Санаги, а на работе. Так ему и довелось познакомиться с Мацуо, которая заполняла дыру в его сердце новыми ощущениями.

Так будет правильнее и разумнее, - думал он. - Дни, проведённые с Санаги, были похожи на сновидение угасающего сознания, своего рода фантасмагорией. Да, ничего прекраснее со мной никогда не случалось, но сон есть сон. Останешься в нём навсегда – умрёшь в реальности. Всё, что я должен пытаться догнать – это счастье и умение радоваться жизни.

- Косака?

Он вернулся в чувства и чуть не выронил стакан из правой руки. Что происходит? – задумался парень. – Точно, вспомнил. Я выпивал с Мацуо. Мы бродили по городу и решили заглянуть в ирландский паб. Алкоголь и усталость, судя по всему, взяли своё, и я отключился.

- Ах, прости. Я, кажется, задремал, - Косака протёр лоб.

- Крепко же ты спишь, - Мацуо хихикнула. - Бар скоро закрывается. Ещё что-нибудь заказывать будем?

Косака взглянул на часы.

- Думаю, мне на сегодня хватит. Или ты хотела ещё?

- О, нет, - Мацуо демонстративно покачала головой. - И так уже перебрала.

- По тебе видно, - согласился Косака, рассматривая покрасневшее лицо девушки.

- Ага. Я настолько пьяна, что ты мне начинаешь казаться очень даже ничего.

- Тогда тебе и вправду стоит поспешить домой и отоспаться.

- Верно, так и я и сделаю.

Мацуо, осушив свой стакан, посмотрела Косаке в глаза, слегка наклонила голову и игриво улыбнулась. Слабый оттенок разочарования в её взгляде не остался незамеченным.

Мацуо определённо надеялась услышать что-то другое, - подумал Косака. - Слишком много

знаков она подаёт. Даже я как не понимающий намёки человек обо всём догадался. Она хочет перевести наши отношения на следующую стадию.

Но если я всё знаю, то почему не дам ей того, чего она хочет?

Неужели я до сих пор так привязан к Санаги?

Проводив Мацуо, Косака предпочёл вокзалу другой бар и выпил ещё. Объяснений своему поведению он найти не сумел. Возможно, боялся невольно вспомнить о прошлом по приходе домой. Боялся и понимал, что развить отношения с Мацуо он не может потому, что не позволит посторонним находиться в комнате, где когда-то проводила время Санаги.

Какой же я убогий, - иронически усмехнулся он. - Хотел считать себя нормальным человеком, но глубоко в душе по-прежнему привязан к семнадцатилетней девушке.

На последний поезд Косака опоздал, поэтому до дома пришлось добираться на такси. Пересчитывать деньги он был не в состоянии, поэтому просто передал водителю вытянутые из кошелька купюры, забрал сдачу и покинул салон. Густой запах весенних цветов, разносимый по улицам его квартала ночным ветром, зашекотал ноздри.

Нетвёрдыми шагами поднявшись по лестнице, Косака отпёр дверь в квартиру и рухнул на кровать. Весенняя ночь была тепла, матрас – мягок, а простыня – холодна. Он тут же провалился в сон.

В ушах зазвенело. Это повторялось снова и снова, и Косака понял, что источником звука является интерком. Думая, что проспать ему удалось до утра, парень сел на край постели и взглянул в окно. Темно. Он перевёл взгляд на часы – два ночи. Кто мог побеспокоить его в столь ненормальное время? Однако недовольство тут же сменилось пониманием, что нечто подобное в его жизни уже происходило.

Опьянение и сонливость сразу исчезли. Он соскочил с кровати и пошёл к двери.

Его догадка оказалась верной: в дверях стоял Идзуми. Одну руку мужчина держал в кармане своего поношенного костюма, а другой водил по небритой бороде. Привычного серого пальто на нём не было.

- Привет. У тебя всё хорошо?

- Идзуми? – спросил оторопевший Косака. – Зачем Вы сюда пришли?

- Ты не против, если я войду? Или твоя гермафобия ещё не пошла на поправку?

- Нет, всё хорошо, заходите...

Идзуми снял кожаные туфли и прошёл внутрь.

- Кофе? – предложил Косака.

- Нет, спасибо.

Мужчина окинул гостиную взглядом. Из-за скоро переезда её интерьер заметно оскудел, –

комнату украшали лишь груды белых картонок и минимальное количество мебели: рабочее кресло, стол, пустой книжный шкаф, вешалки и кровать. Призадумавшись, Идзуми аккуратно опустился на одну из коробок.

Косака сел в кресло и спросил:

- Раз Вы здесь, значит, всплыла какая-то информация о паразите. Я прав?

- Прав, - моментально ответил Идзуми.

- Возникли какие-то проблемы?

- Это я и хотел спросить. Есть что рассказать? - спросил Идзуми в ответ. - В последнее время с тобой не происходило каких-нибудь странных изменений?

- Да нет, ничего такого. Процесс восстановления идёт своим чередом, - Косака заметил, что до сих пор не снял наручные часы, и бросил их на кровать. - Благодаря вам, вместе с гермафобией ушла и мизантропия. Похоже, все черви уже вымерли.

- Ты ошибаешься. Они ещё никуда не делись.

В комнате повисла тишина.

- ... О чём это Вы говорите? - Косака опешил, его рот растянулся в вымученной улыбке. - Вы же видите, что я больше не страдаю от гермафобии. Уже и на работу устроился, и с людьми хорошо общаюсь. Никаких признаков воздействия паразита.

Идзуми покачал головой.

- Это лишь временное затишье. Черви в твоём организме имеют иммунитет к лекарствам. У меня нет объяснений и доказательств, но всё указывает именно на это. Да, они ослабли, но, если ты перестанешь принимать таблетки, то твоя жизнь сразу же вернётся в прежнее русло, - мужчина внезапно улыбнулся. - Ты даже не представляешь, как тебе повезло.

- Повезло?

- Ты должен быть благодарен своим паразитам за их необычайную живучесть.

Идзуми выдержал паузу, - глубоко вдохнул и медленно выдохнул, - и всё объяснил:

- Ты единственный из инфицированных, на кого дегельментные препараты не оказали должного воздействия. Все остальные хозяева после отмирания червей... сами предпочли смерть.

Косака застыл, не обронив ни единого слова.

Идзуми продолжил.

- Профессор Канродзи и доктор Уридзанэ придерживались одного и того же мнения относительно связи между червём и самоубийствами. Они считали, что хозяин, лишаясь определённого числа паразитов, теряет способность жить в человеческом обществе и решает покончить с собой. Логичное предположение, ничего не скажешь. Однако в своих рассуждениях они допустили одну фатальную ошибку... Мы опирались на гипотезу, что

самоубийство - последнее звено в цепи заражения. Но она оказалось ловушкой, и все мы в неё попались.

За время изучения паразита на поверхность всплывало всё больше фактов. Ты уже знаешь, что первичный хозяин червя – люди, но заразить он может не каждого. Если быть точнее, его влиянию подвержена лишь малая часть населения планеты. Обычно, попадая в организм человека, он умирает от атак иммунной системы. Лишь в редких случаях тело может не только не убить паразита, но и начать оберегать его, словно давно ждало заражения.

Я плохо в этом разбираюсь, но мне кажется, что к самоубийству приводит не воздействие червя. Да, он изолирует хозяина, но не имеет отношения к его смерти. В процессе исследований доктор Уридзанэ выявил, что паразит способен подавлять отрицательные эмоции носителя. Злость, грусть, зависть, ненависть – червь ослабляет весь негатив, испытываемый человеком. Я не вникал в детали, но доктор предположил, что червь выборочно потребляет ферменты, необходимые для создания нервных импульсов. Если его теория верна и червь действительно питается мучениями хозяина, то изоляция от общества происходит с целью выработки большего количества стресса. Напряжения от ежедневной рутины паразиту мало.

И так я пришёл к следующему выводу. Что, если инфицированные были падки на страдания ещё до заражения? Иначе говоря, хотели умереть и задумывались о суициде. Люди, которых червь сделал своими хозяевами, и так бы закончили жизнь самоубийством, останься они наедине с собой.

С этой теорией проясняется много вещей, не имевших объяснения ранее. Большинство людей не могут предоставить достаточное количество отрицательных эмоций для поддержания жизни паразита. Даже если он попадает в их организм, то со временем ослабевает и умирает от работы иммунитета. Тела же людей, изначально пленённых смертью и испытывающих страданий больше, чем они способны вынести, становятся для червя самой желанной средой обитания. Как некоторые клещи питаются избытками секрета сальных желёз и поддерживают баланс кожи, так и наши паразиты поглощают сильную душевную боль и нормализуют психическое состояние хозяина, чей организм не отторгает, а принимает их. Они выполняют функции органа, перерабатывающего мучения, с которыми не может справиться носитель. Взаимовыгодные отношения.

А что же произойдёт, если попытаться избавиться от червей лекарствами? Душевная боль, которую они забирали у хозяина, никуда не исчезнет и скопом обрушится на человека, привыкшего к защите паразита и неготового выдержать такой поток эмоций. На этом этапе хозяин окончательно теряет тягу к жизни, и ему ничего не остаётся, кроме как наложить на себя руки.

Всё это время мы были убеждены, что самоубийство инфицированного вызвано наличием паразитов в организме. В реальности же всё оказалось иначе. Всему виной их отсутствие. Но это лишь моё мнение.

В голове Косаки вспыхивали случайные фразы, которые он когда-то слышал от Санаги.

...Работа иммуносупрессоров связана с облегчением иммунозаболеваний. Видимо, Т-регуляторные клетки появляются благодаря существованию «одобренных хозяином паразитов». Так что, по сути, отсутствие паразитов в организме приведёт к увеличению числа современных болезней...

...Спайник парадоксальный не покидает своего партнёра до самой смерти. Стоит им

присосаться, и они никогда друг друга не отпустят. А если ты попробуешь их разъединить, они умрут...

...Образуясь в таких местах, как спинной и головной мозг, цисты вызывают цистицеркоз, однако в период жизни цистицерков симптомы заболевания не проявляются. Проблемы возникают лишь после их смерти. Обызвестлившийся в центральной нервной системе цистицерк провоцирует сильную тканевую реакцию, приводящую к очаговому воспалению и глиоме вокруг цист...

Ключ к разгадке был спрятан где-то здесь.

Паразиты даровали нам жизнь, и мы не имеем права это забывать.

- Санаги... - первым сорвалось с его губ. - Что с Санаги?

- Она стала первой жертвой, - ответил Идзуми. - Хидзири Санаги первая испытала эффект отсутствия паразитов. Однажды утром доктор Уридзанэ забеспокоился, что его внучка долго не просыпается, и зашёл к ней в комнату. Девушка неподвижно лежала на полу. Приняла тонну снотворных и запила всё алкоголем. Это произошло где-то две недели назад.

Из под ног Косаки ушла земля, в глазах помутнело, в ушах начало громко звенеть.

Но следующие слова Идзуми вернули его к реальности.

- Но не беспокойся. Пока что Хидзири Санаги жива. Её попытка самоубийства оказалась неудачной. Она увлеклась, и сильное желание умереть обернулось против неё: девушка выпила столько таблеток и алкоголя, что её вырвало раньше, чем эта смесь начала действовать. Или, может, она испугалась и вызвала рвоту самостоятельно. Так или иначе, ей удалось выжить. Правда...

Идзуми запнулся и, задумавшись, посмотрел в окно. Косака устремил взгляд туда же, но на улице не было ничего примечательного - только темнота.

- Дав ей немного восстановиться в местной поликлинике, девушку перевели в нормальную больницу. Там её жизни ничего не угрожало, и нам с доктором Уридзанэ удалось перевести дыхание. Но неудачная попытка самоубийства Хидзири Санаги оказалась лишь началом, предвестником настоящей опасности.

Косака взял инициативу разговора на себя:

- Другие пациенты, Хасэгава, повели себя так же?

- Да, - Идзуми кивнул. - Через неделю после инцидента с Хидзири Санаги нам позвонил Юдзи Хасэгава и сказал, что его жена покончила с собой. И сразу бросил трубку. Мы не понимали, что происходит, и на следующий день решили поехать к нему домой и попросить рассказать всё в подробностях, но было уже слишком поздно. Юдзи Хасэгава последовал за супругой. Один труп поджигался ко второму. И, пока мы пытались разобраться в ситуации, Хидзири Санаги пропала из больничной палаты.

- Пропала?

- Да. Сбежала из клиники, оставив записку со словами «Большое вам спасибо». Мы отправили запрос на её поиски, я лично несколько дней ходил по всей округе, но ни к каким результатам

это не привело. Я думал, она у тебя, но и здесь прогадал. Куда она могла запропаститься..?

Идзуми замолчал. Измученное лицо мужчины отражало сломившие его усталость и беспомощность.

- Сил уже никаких нет, - Идзуми вздохнул. - Всё это время мы не спасали пациентов, а приговаривали их к смерти. Лечили тех, кого нужно было просто оставить в покое. Смешно. Доктор Уридзанэ опустил руки и потерял всякую надежду. Не удивлюсь, если он покончит с собой раньше, чем его внука.

Усмехнувшись, Идзуми медленно поднялся.

- Знаю, это эгоистично, но... с сегодняшнего дня наши пути с ним расходятся. Сомневаюсь, что мы с тобой ещё когда-нибудь свидимся.

Идзуми встал спиной к Косаке.

- Идзуми, - окликнул его парень.

- Что? - спросил мужчина, не поворачиваясь.

- Не умирай, пожалуйста.

- ... Ты? Беспокоишься обо мне? Похоже, и вправду пора со всем завязывать, - плечи Идзуми затряслись от смеха. - Ты должен поладить с червём. Нравится тебе это или нет, но он уже стал неотъемлемой частью твоего организма. Бывай.

С этим прощальным советом он и ушёл.

Попытка суицида. Вот причина, по которой Санаги не брала трубку и не отвечала на сообщения. В момент, когда звонил Косака, черви в её теле уже умерли, а она - думала, как бы умереть самой. Или уже умирала. Девушка была занята смертью и не могла позволить себе отвлечься.

Санаги не отвечала не потому, что возненавидела меня, - первое, о чём подумал Косака. Отсутствие желания убедиться в её безопасности было неосмотрительным, но с переполнившим его счастьем поделаться он уже ничего не мог.

Эта радость - самое важное, что когда-либо происходило в моей жизни, - думал Косака. - Я люблю Санаги. Без всяких сомнений. И никакие черви и разница в возрасте мне не помеха. Если эти чувства - ложь, то я буду обманывать себя до самой смерти.

Оправившись от нахлынувших эмоций, Косака принялся размышлять о местонахождении Санаги. Мест, к которым она могла испытывать особый интерес, было немного, что сильно сужало количество возможных вариантов.

Первым на ум пришло место, где с собой покончили её родители. Он слышал, что они спрыгнули с моста в горах, пользуясь дурной славой из-за самоубийц. Было бы логично предположить, что девушка решила умереть там же.

Никаких обоснований этой догадки у меня нет. Но и других идей - тоже. Я сейчас же должен туда отправиться.

Он вызвал такси. Машина была у его дома через десять минут. Водитель, осведомившись о месте назначения, молча поехал к указанной точке.

Однако через двадцать минут Косака попросил водителя развернуться. Не то чтобы он забыл дома что-то важное, парень просто внезапно понял: «Я должен надеть красный шарф, который Санаги подарила мне на Рождество».

Время было не на его стороне, но избавиться от своего желания у Косаки уже не получалось. Он чувствовал: этот шарф сыграет роль красной нити в их судьбах. Своего рода молитва.

И, надо сказать, парень не прогадал.

Быть может, на эту мысль его втайне навёл червь.

Вернувшись к дому, Косака бегом поднялся по лестнице. Запыхавшийся, он вставил ключ в замок и заметил, что дверь уже была открыта. Должно быть, забыл запереть из-за спешки.

Из щели под дверью в гостиную по полу разливался свет. Похоже, и о нём забыл. Косаку это не волновало. Он, не снимая грязных ботинок, миновал кухню, дёрнул ручку в комнату...

И увидел перед собой крепко спящую Санаги.

<http://tl.rulate.ru/book/5373/289956>